

СКАНДИНАВСКАЯ МОДЕЛЬ

Успешная модернизация на примере Норвегии (ч. 2)¹

Марина Гусельцева

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу культурно-психологических факторов норвежской модернизации. Показано, что основой успеха Норвегии и других скандинавских стран служили ценности образования и общественного согласия, повседневные практики самоуправления, развитие коммуникативной и аргументативной рациональности, самодисциплина элит. Отмечается, что на протяжении XX в. развитие России соотносили с европейской цивилизацией, тогда как в самой Европе представлены различные модели развития. Среди этих моделей наибольший интерес вызывает сегодня скандинавская модель модернизации. Утверждается, что «северная модерность» в большей степени отвечает социокультурным особенностям и ценностным ожиданиям россиян, ибо лежащие в ее основе представления о социальной справедливости исторически значимы для нашего общества. Перспектива скандинавского ориентира в российской модернизации позволяет сфокусироваться на тех повседневных практиках и ценностях, недостаток которых исторически препятствовал цивилизационному развитию, однако их латентный рост происходит в наши дни. Во-первых, это ценности солидарности и личной автономии, сочетание которых лежит в основе гражданской зрелости. Гражданское общество требует от человека самостоятельности и критического мышления, а развитие личности приближается к общечеловеческим ценностям. Во-вторых, это приоритет ценностей образования и саморазвития над безопасностью и выживанием, который достигается в дружелюбной к человеку социокультурной среде и способствует успешной трансформации в современность. В-третьих, дифференциация форм рациональности (инструментальная, интерпретативная, аргументативная, коммуникативная, правовая) также свидетельствует о гражданской зрелости личности и выступает важным фактором успеха модернизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Норвегия, социокультурная модернизация, ценности, повседневные практики, трансформация в современность, формы рациональности.

DOI 10.22394/2078-838X-2020-3-106-112

**Марина Сергеевна
ГУСЕЛЬЦЕВА**

д. псих. н., доцент,
ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии под-
ростка ФГБНУ «Психологический
институт РАО», ведущий научный
сотрудник Школы антропологии
будущего ИОН РАНХиГС
(119606, РФ, Москва,
пр. Вернадского, д. 84).
E-mail: mguseltseva@mail.ru

Введение

Норвежский философ Г. Скирбекк, изучая процессы модернизации с опорой на учение об идеальных типах М. Вебера, предложил оригинальную концепцию разнообразия форм рациональности (Скирбекк, 2017). Он обнаружил обусловленность успехов норвежской модернизации развитием и усложнением форм рациональности: инструментальной, интерпретативной, аргументативной. На примере истории Норвегии он показал взаимосвязь модернизации и ментальности (доминирующих ценностей, повседневных практик и умонастроений граждан), а также значимость в развитии страны общественного согласия, основанного на коммуникативной рациональности, на взаимодействии чиновничьих элит с низовыми народными движениями.

Отметим, что учение М. Вебера об идеальных типах построено на своего рода парадоксе. Идеальные типы — продукт фантазии, а не эмпирии. Как таковые они не представлены в природе,

¹ Первая часть статьи опубликована в журнале «Образовательная политика» № 2 (82), 2020 г.

это теоретическая схема. Такая схема не только не отражает реальность в деталях, но даже искажает ее. Однако именно она позволяет более точно и полно выявить ключевые особенности исследуемой реальности. «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое предназначение» (Вебер, 1990, с. 501). Идеальный тип есть мысленная конструкция реальности с выделением и усилением значимых для исследователя связей. Сама же реальность интерпретируется на основе ее приближения и удаления от идеального типа. Так, в подходе Г. Скирбекка обозначенные типы рациональности — инструментальная, интерпретативная и аргументативная — персонализированы тремя деятелями модернизации в Норвегии (разумеется, это не означает, что в реальной жизни каждый из них оперировал исключительно единственной формой рациональности).

Фигура **Антон Мартин Швейгорда** (1808–1870), политика и профессора права, олицетворяла модель модернизации на основе научного знания, а также инструментальную рациональность, ассоциированную с прагматичным подходом к реальности. Теолог и профессор философии **Маркус Якоб Монрад** (1816–1897) был представителем либерально-консервативной традиции, подчеркивающей приоритетную роль в модернизации образования и культурных ценностей. Он являлся критиком позитивизма и придерживался гуманитарно-ориентированной интерпретативной рациональности, полагая, что именно в практиках понимания формируется идентичность человека и гражданина. **Осмунда Улавссона Винье** (1818–1870), поэта, писателя и юриста, Г. Скирбекк характеризует как «постмодернистского» интеллигента, отличавшегося нюансированным восприятием, критическим и аналитическим разумом, чувствительностью к вариациям и разнообразию, «самокритичным видением разных сторон вопроса, а также со способностью давать слово „другим головам“» (2017, с. 116). Его особенностью являлась

«рефлексивная способность одновременно видеть разные стороны обсуждаемых вопросов» (Там же, с. 26), что отвечало *аргументативной рациональности*. Согласно подходу О. У. Винье, модернизация должна опираться на «самокритичные размышления и открытый обмен мнениями», добиваясь постепенного улучшения первоначальных позиций посредством взаимного обучения представителей разных групп интересов (Там же).

В первой части статьи (Гусельцева, 2020) подчеркивалось, что особенностью модернизации в Норвегии, существенно определившей историю ее успеха, являлась опора на повседневные практики коммуникации и преодоление конфликтов посредством договоренностей. В такого рода повседневности вырабатывались *правовая* (уважение и апелляция к закону) и *аргументативная* (способность сформулировать и обосновать собственную позицию, а также готовность принять правоту противника) рациональности.

Специфика Норвегии проявилась также в том, что предпосылками модернизации выступали *идеи народного просвещения*, формирующиеся в результате взаимодействия образованных чиновников и самоорганизующихся народных движений. Крайне важную роль здесь играли самодисциплина и способность элит к диалогу и самоограничению.

Идеал общественного согласия

Норвежское просвещение — пасторское и пасторальное — поддерживалось ценностями образования и запросами на перемены как со стороны лютеранских пастырей, так и со стороны низовых народных движений (ср. «низовая модернизация» (Рогов, 2018)). Г. Скирбекк выделяет трех деятелей норвежского Просвещения: Л. Хольберга, Э. Понтоппидана и Х. Хауге. Показательно, что каждый из них предложил свой просветительский проект, обращаясь к разным социальным группам: *один действовал на уровне общества, второй — на уровне*

ИЗБЫТОЧНОЕ ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИЙ, КАК И ИЗЛИШНЕ РИГИДНЫЕ ТРАДИЦИИ, ДЕЗОРГАНИЗУЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ

государства, третий взаимодействовал с локальными сообществами. Так, «Людвиг Хольберг модернизировал культуру и создал публичную сферу. Эрик Понтоппидан продвигал просвещение сверху с помощью государственного пиетизма, а Ханс Нильсен Хауге — харизматический модернизатор снизу — основал народное движение с помощью социальной мобильности, распространения грамотности и успешной борьбы за юридические права» (Скирбекк, 2017, с. 87). Именно эти деятели норвежского Просвещения заложили традицию диалога элитарной и народной культур, взаимодействия лютеранских чиновников с народными движениями. Вместо революций и столкновений, как это имело место в иных странах, потоки стихийного народного творчества здесь были направлены на благоустройство и развитие страны. Собственно, в этом и заключается эффективность рациональности в процессах модернизации, создающая повседневные практики договоренности и солидарности вместо конфликтов и использования манипулятивных стратегий.

Людвиг Хольберг (1684–1754), профессор и писатель, находился у самых истоков модернизации Датско-норвежского королевства. Получив фундаментальное и разностороннее образование в нескольких европейских университетах, он обосновался в Копенгагене. Как преподаватель Л. Хольберг активно продвигал критическое мышление, полагая, что, *прежде чем изучать теологию, необходимо «обрести силу сопротивления предрассудкам»* (Скирбекк, 2017, с. 71). Он приобщал юные умы к ценностям «сомнения и несогласия, а также свободного исследования, выступал против традиционных представлений и господствующих мнений» (Там же). Своей деятельностью Л. Хольберг расширял образовательный и дискуссионный характер публичной сферы, отстаивал равноправие женщин и мужчин. «Я считаю долгом философа проверять общепринятые мнения — на предмет их

обоснованности», — заявлял он, доказывая, что «именно свободная способность думать отличает нас от животных», лишь «при несогласии обнаруживается истина», а *потому долг человека — подвергать сомнению установленные верования, «читать запрещенные книги и сомневаться во всем»* (цит. по: Скирбекк, 2017, с. 88; курсив мой. — М. Г.).

Показательно, что норвежские крестьяне с энтузиазмом читали не только комедии, но и исторические и философские книги Л. Хольберга. Их поголовную грамотность и заинтересованность в образовании подчеркивает в своем исследовании Г. Скирбекк (2017). Таким образом, на уровне общества и в локальных сообществах просвещение распространялось посредством развития и расширения публичной сферы. В ходе чтения и обсуждения философских трудов оттачивалось *мужество пользоваться собственным разумом*, которое И. Кант соотносил со зрелостью человечества (1966).

С 1730 г. в Норвегии было введено всеобщее школьное образование, а в 1739 г. осуществлена разработанная теологом, историком, экономистом, советником короля **Эриком Понтоппиданом** (1698–1764) реформа «Об обязательном общем школьном образовании» (Скирбекк, 2017). В свою очередь, *пасторальное просвещение* в Норвегии представляло диалог лютеранских чиновников и народных движений, т.е. гармоничное сочетание традиции и об-

новления. При том, что само по себе образование — довольно консервативный социальный институт, баланс здесь особенно важен: *избыточное внедрение инноваций, как и излишне ригидные традиции, дезорганизует образовательную систему*. «В конце XIX в. существовало взаимодействие между чиновниками и народом, т.е. между просвещенными лютеранскими пасторами и грамотными бондами, причем это взаимодействие стимулировало развитие современных навыков и подходов. Все это способствовало относительно мягкому переходу от традиции к обновлению,

САМОДИСЦИПЛИНА И САМОГРАНИЧЕНИЕ ЭЛИТ — НЕДОСТАТОЧНО ОТРЕФЛЕКСИРОВАННАЯ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ, НО КРАЙНЕ ВАЖНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ УСПЕХА ЕВРОПЕЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

которое называют пасторальным просвещением» (Скирбекк, 2017, с. 95).

Итак, в исследовании норвежской модернизации Г. Скирбекк, с одной стороны, выделяет и описывает различные формы рациональности: инструментальную, рефлексивную, интерпретативную, аргументативную, коммуникативную, дискурсивную. С другой стороны, он показывает, насколько «развитие публичной сферы является важным признаком процессов модернизации» (Там же, с. 23). Так, например, движение хаугеанцев (лидером которого являлся Х. Н. Хауге) и иные народные движения создавали альтернативные форумы, где свобода слова выступала в качестве скрытой ценности. В совокупности же все это способствовало появлению и воспитанию «просвещенного общественного мнения» (Там же).

Ханс Нильсен Хауге (1771–1824) являлся народным воплощением описанной М. Вебером протестантской идеи (1990). Он выступал «за усердный труд и разумное потребление» (Скирбекк, 2017, с. 26), критикуя как официальное лютеранство, так и отдельных чиновников. Хаугеанство являлось одним из наиболее радикальных народных движений, которое в дальнейшем смягчилось², вливаясь в политическую и образовательную деятельность. Так, в 1814 году хаугеанцы активно участвовали в Учредительном конституционном собрании, избирались в парламент, на должности в муниципальных органах власти. Это движение отстаивало в норвежском обществе ценности религиозной и экономической свободы.

Таким образом, норвежские крестьяне (составлявшие, по данным Г. Скирбекка, в то время до 90 % общества) были грамотными, владели собственностью, разбирались в законах, читали труды трех деятелей Просвещения, представляющих *разные идеи* (Л. Хольберга, Э. Понтопидана, Х. Хауге), и имели возможность выработать собственное мнение относительно действительности. Подчеркнем, что ценность образования потому оказалась столь велика

среди крестьян, что *образованность помогала им отстаивать свои позиции и интересы, вступать в диалог с элитами и вырабатывать законы, где учитывались интересы разных социальных групп.*

Самоограничение элит и самоорганизация народных движений

Современные государства благоденствия северного типа представляют многопартийную парламентскую и эгалитарную демократию. Социальная справедливость реализуется здесь как в равных политических, экономических и гражданских правах, так и в равенстве возможностей. Посредством самоорганизации народных движений и развития эгалитарной демократии в Норвегии сложилось просвещенное и нравственное общество, где важную роль играла самодисциплина элит. Так, позиция «хлеб для всех, прежде чем кто-то получит пирог» (Скирбекк, 2017, с. 109) требовала, с одной стороны, самоограничения от чиновников, а с другой — самоорганизации и умения аргументированно отстаивать собственные интересы от народных представителей.

Самодисциплина и самоограничение элит — недостаточно отрефлексированная в российском дискурсе, но крайне важная страница в истории успеха европейских модернизаций. Достаточно вспомнить фигуру **Юста Липсия** (1547–1606) — выдающегося деятеля нидерландского просвещения. Его программа модернизации была направлена на самовоспитание элит. Липсий доказывал, что правители, прежде чем принуждать граждан к цивилизованности, должны сами подать обществу культурные образцы достойного поведения.

Липсий воспитывал политическую элиту — молодых людей, подготовленных как продолжать научные исследования, так и становиться юристами и государственными служащими.

2 Ср. с рассуждением Е. М. Шульман (2016) о нерепрезентативности российской политической системы, где целые социальные страты и общественные слои никак не представлены ни в органах власти, ни в парламенте и не имеют своих политических партий. Около 20 % городского населения не имеют никакого представительства, среди них — самозанятые горожане-небюджетники; «никак не представлен националистический сектор», в парламенте «сильно не хватает легальной националистической партии». «Довольно большие куски нашего общества никак не репрезентированы. Это вопрос нашей безопасности. Они должны быть представлены в легальном политическом обороте, они должны участвовать в легальном политическом общении» (курсив мой. — М. Г.).

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СОЗДАВАЛА НЕ ТОЛЬКО БОЛЕЕ СЛОЖНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ, НО И СПОСОБСТВОВАЛА РАЗВИТИЮ РЕФЛЕКСИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В «Политике» (Politicorum sive civilis doctrinae libri sex) — трактате о воспитании управленческой элиты — он подчеркивал, что именно благоразумие (рациональность) и добродетели (нравственные качества) правителей являются ключевыми факторами процветания государства. Он рекомендовал элитам ограничивать себя в роскоши (чрезмерных тратах на жилище и наряды), осуждал праздность и поощрял уважение к труду (Новикова, 2005). В трактате «О библиотеках» Ю. Липсий утверждал, что распространение книг (знаний) является основой сообщества интеллектуалов. В подобного рода сообществах важно свободно высказывать различные мнения, ибо путь к истине пролегает через дискуссии и состязание разных представлений. Избыточная же ориентация на традиции и привычки ведет к окаменелым мыслям (Липсий, 2013).

Итак, качество человека, а именно сложность и разнообразие его рациональности и поведенческих практик, являлось ведущим фактором успешной социокультурной модернизации. На рубеже XX–XXI вв. эта в общем-то нехитрая мысль оформилась в представление о «человеческом капитале» (Корчагин, 2004), а уже в наши дни вылилась в неуклонно набирающее сторонников *движение этичного (осознанного и недемонстративного) потребления*.

Этот тренд, наблюдаемый сегодня в ракурсе глобальных трансформаций и изменения социальных норм, получил название *скандинавизации поведения*: переход от демонстративного и престижного потребления к этичному (ethical), ответственному (responsible), осознанному (conscious) и экологичному потреблению (Данилова & Шульман, 2017; Шабанова, 2015; Grisewood, 2009; Harrison, 2005; и др.). Отметим такие современные культуральные движения, как эссенциализм, минимализм, «медленная

жизнь», дауншифтинг и т. п. Суть этих движений также в том, что «в современном обществе можно жить достойной жизнью — как политической, так и культурной, — имея более скромные материальные условия и более разумное потребление, чем это имеет место сегодня» (Скирбекк, 2017, с. 157).

Однако едва ли не более существенную роль в успешной модернизации играет качество элиты — людей, которые не только принимают ответственные управленческие решения, но и личным примером формируют культурные образцы и поведенческие практики. Так, в Норвегии находящиеся у власти чиновники являлись «юристами и теологами с высшим образованием, полученным в Университете в Копенгагене...» (Скирбекк, 2017, с. 20). Кроме того, они были глубоко интегрированы в отличавшееся культурной однородностью норвежское общество, встроены в его горизонтальные связи. Особо подчеркнем здесь факт сознательного самоограничения чиновников в пользу эгалитарного общества: *самодисциплину и самоограничение элит как важнейший фактор успешной социокультурной модернизации*.

«Скандинавское благосостояние универсально и охватывает все общество, а не только особые и потенциально неполноценные группы населения. Кроме того, эта система благосостояния присуща относительно эгалитарной культуре, в основе которой лежит доверие и определенная солидарность. Северные страны нельзя назвать застывшими или неэластичными, им свойственны относительно высокая эффективность и социальная мобильность. <...> ...Уровень рождаемости в Норвегии выше, чем во многих европейских странах, а средний пенсионный возраст относится к числу самых высоких в Европе» (Там же, с. 139).

Таким образом, не конфликты и революции, а умение договариваться и согласовывать интересы разных групп, и в том числе поступаться частью собственных интересов, лежит в основе цивилизационного развития. Однако менее очевидно, что культурно-психологическим ресурсом этого процесса является аргументативная рациональность, включающая «нюансированное восприятие, своего рода рефлексивную способность одновременно видеть разные стороны обсуждаемых вопросов» (Там же, с. 26).

Возможно, несколько парадоксальным для читателя, предполагавшего, что как раз элита отражает наиболее дифференцированный тип рациональности, выглядит замечание Г. Скирбекка относительно *рефлексивной позиции*, раскрывающее неочевидные особенности норвежского общества: «Такую позицию гораздо легче было освоить тем, кто происходил из низших слоев, нежели тем, кто был наверху и не привык смотреть на себя со стороны» (Там же, с. 48). Иными словами, *мобильность из одного социального слоя в другой создавала здесь не только более сложную идентичность, но и способствовала развитию рефлексивной рациональности*. Более того, народные движения в Норвегии становились творцами новых правил жизни и практик правовой культуры.

В этой связи отметим, что пять народных движений в истории Норвегии эволюционировали от стихийных до организованных во второй половине XIX в. Одним из них было движение за женские права (право голоса, право на образование, право на юридическую защиту в браке). «Участники движений дискутировали и организовывались на всех уровнях — местном, региональном и общенациональном. Они использовали тогдашние СМИ в качестве *альтернативной публичной сферы*» (Там же, с. 46).

Низовые народные движения создали *демократический национализм* как традицию норвежской модернизации. Ценности образования и социальной справедливости стали здесь консенсусными для всего общества. «В то время как в Норвегии развивалась *гомогенная политическая культура*, указывающая, как следует поступать и принимать решения, — страна была в некоторой степени *гетерогенной* с точки зрения *культурных кодов и формирования идентичности*» (Там же, с. 47). Выскажем предположение, что *в современном российском обществе ценности образования, качества жизни и социальной справедливости также являются консенсусными для большинства граждан*.

Заключение

Итак, неочевидным, но оттого не менее важным культурно-психологическим фактором скандинавской модернизации (укладывающимся в парадигму согласия, а не конфликта

между разными группами интересов) явилось то, что *и чиновничьи элиты, и народные движения разделяли сходные ценности, а именно: развитие системы образования*. Они поддерживали и государственное, и альтернативное образование, представленное народными университетами. «Образование понималось как самообразование — образовательный проект, охватывающий практическое и теоретическое обучение, а также осознание собственной идентичности и культурного багажа» (Там же, с. 47).

Следующий важный фактор успеха норвежской модернизации — демократию как повседневную практику развития личности — мы рассмотрим в третьей, заключительной части нашей статьи.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
3. Гусельцева М. С. Скандинавская модель. Успешная модернизация на примере Норвегии // Образовательная политика. 2020. № 2. С. 30–41. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-2-30-41.
4. Данилова А., Шульман Е. Современная молодежь — самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2017. URL: <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tozko-mozhno-sebe-predstavit/> (дата обращения: 13.04.2019).
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.
6. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал и процессы развития на макро- и микроуровнях. Воронеж: ЦИРЭ, 2004.
7. Липсий Ю. О библиотеках. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2013.
8. Новикова О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606). М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005.
9. Рогов К. (Сост.) Низовая модернизация. Могут ли общество и государство двигаться в разных направлениях? [Электронный ресурс] // InLiberty. 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/> (дата обращения: 04.01.2019).
10. Скирбекк Г. Норвежский менталитет и модерность. М.: РОССПЭН, 2017. 198 с.
11. Шабанова М. А. Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 19–34.
12. Шульман Е. М. Партийное строительство. Для чего нужны партии, и есть ли шанс попасть в большую политику у беспартийных? [Электронный ресурс] // Общественное телевидение

России. 2016. URL: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/partiinoe-stroitelstvo-22531.html>) (дата обращения 27.08.2018).

13. Harrison, R., Newholm, T., Shaw, D. (Eds.). *The Ethical Consumer*. SAGE Publications Ltd. 2005. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446211991>.
14. Grisewood, N. *Ethical Consumerism: A guide for trade unions*. Ireland: Irish Congress of Trade Unions, 2009.
15. Sennet, R. *The Culture of the New Capitalism*. New Haven, US: Yale University Press, 2006.

NORWAY EXAMPLE

Scandinavian model of modernization as a success story (part 2)

Marina S. GUSELTSEVA.

Sc.D. (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Psychology of the Adolescent, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadskogo str., 119606, Moscow, Russian Federation). E-mail: mguseltseva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the peculiarities and analysis of the cultural and psychological factors of Norwegian modernization. It is shown that the basis for the success of Norway and other Scandinavian countries was the values of education and social cohesion, everyday self-government practices, the development of communicative and argumentative rationality, and self-discipline of the elites. It is noted that throughout the twentieth century Russia's development was correlated with European civilization, while in Europe itself various models of development are presented. Among these models, the Scandinavian model of modernization is of most interest today. It is argued that northern modernity is more in tune with the sociocultural characteristics and value expectations of Russians, for the underlying ideas about social justice are historically significant for our society. The prospect of a Scandinavian landmark in Russian modernization allows us to focus on those everyday practices and values, the lack of which has historically hindered civilizational development, but their latent growth is taking place today. Firstly, these are the values of solidarity and personal autonomy, the combination of which underlies civic maturity. Civil society requires independence and critical thinking from a person, and a developed personality approaches human values. Secondly,

this is the priority of the values of education and self-development over safety and survival, which is achieved in a human-friendly sociocultural environment and contribute to the successful transformation into the present. Thirdly, the differentiation of forms of rationality (instrumental, interpretative, argumentative, communicative, legal) also indicates the civic maturity of the individual and is an important factor in the success of modernization.

Keywords: Scandinavian model, Norway, modernization, values, everyday practices, transformation into modernity, forms of rationality.

References

- Danilova, A., & Schulmann, E. (2017). *Modern youth is the most correct of all the generations that you can imagine*. Retrieved April 13, 2019 from <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>. (In Russian).
- Grisewood, N. (2009). *Ethical Consumerism: A guide for trade unions*. Ireland: Irish Congress of Trade Unions.
- Gurevich, A. Ya. (2005). *The Individual and Sotium in the Medieval West*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Guseltseva, M. S. (2020). Norway example. Scandinavian model of modernization as a success story (part 1). *Educational policy*, 2(82), 30–41. DOI 10.22394/2078-838X-2020-2-30-41. (In Russian).
- Harrison, R., Newholm, T., & Shaw, D. (Eds.). (2005). *The Ethical Consumer*. SAGE Publications Ltd. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446211991>.
- Kant, I. (1966). *Answering the Question: What Is Enlightenment?* (Vol. 6, pp. 25–36). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Korchagin, Yu. A. (2004). *Human capital and development processes at the macro and micro levels*. Voronezh: LERC. (In Russian).
- Lipsius, J. (2013). *The De Bibliothecis Syntagma*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры. (In Russian).
- Novikova, O. E. (2005). *Politics and Ethics during the Wars of Religion: the Case of Justus Lipsius (1547–1606)*. Moscow: D. Mendelev University of Chemical Technology of Russia. (In Russian).
- Rogov, K. (2018). *Grassroots Modernization*. Retrieved from <https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/>. (In Russian).
- Schulmann, E. M. (2016). *Party-building*. Retrieved from <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/partiinoe-stroitelstvo-22531.html>. (In Russian).
- Sennet, R. (2006). *The Culture of the New Capitalism*. New Haven, US: Yale University Press.
- Shabanova, M. A. (2015). Ethical consumption as an innovative practice of civil society in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 19–34. (In Russian).
- Skirbekk, G. (2017). *Norwegian mentality and modernity*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russian).